

УДК:398.2

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ УБИЙСТВА БОРИСА И ГЛЕБА

Козлов М. Н.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: kmn_75@mail.ru*

Бойцова Е. Е.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: elenaboicova@list.ru*

На основе анализа древнерусских летописей, данных агнографии, текста исландской «Пряди об Эймонде», а также данных археологических исследований представлена реконструкция основных этапов биографии сыновей князя Владимира: Святополка, Бориса и Глеба, а также обозначены причины убийства князей-страстотерпцев. В процессе исследования применялись специальные методы познания (историко-аналитический и проблемно-хронологический). Материалы, которые составляют основу исследования, изучены и подвергнуты анализу с учетом хронологии событий, необходимости получения исторической информации из прорабатываемых научных источников. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам использован метод сравнительного и ретроспективного анализа. Авторы приходят к выводам о том, что одной из причин убийства князя Бориса стало его объявление наследником князя Владимира вопреки тогдашним традициям наследования. Другой причиной его гибели стал конфликт с жителями Киева, существенно облегчивший князю Святополку задачу по устранению своего сводного брата. Деятельность, связанная с христианизацией муромских земель стала причиной убийства младшего брата Бориса – князя Глеба.

Ключевые слова: князь Борис Владимирович, князь Глеб Владимирович, князь Святополк Окаянный, христианизация, погребальная обрядность.

Святые страстотерпцы Борис и Глеб – один из главных православных символов России. В народных преданиях и легендах они стали олицетворением вооруженного добра и воинской доблести [53]. Одна из таких легенд, в которой сообщается о появлении образа святых Бориса и Глеба, плывущего по небу в небесной ладье перед Невской битвой со шведами даже вошла в состав «Жития святого Александра Невского» [33, с. 360].

Характерно также, что святые братья в Древней Руси стали также символами победы христианства над язычеством. Так, после волны антихристианских выступлений в восточнославянских землях 60-80 гг. XII в. князья-Ярославичи построили Борисоглебовские соборы на местах разрушенных святилищ языческих богов. Интересной особенностью этих церквей было наличие в них крещален-баптистерий с отдельным входом и специальными местами для крещения взрослых людей [27, с. 300].

Вместе с тем, образ святых братьев Бориса и Глеба, сложившийся в Древней Руси в народном сознании не соответствовал тому образу, который был создан древнерусскими книжниками в официальной агиографии. В различных вариантах «Жития Бориса и Глеба» они предстают как кроткие символы несопротивления злу, сознательно пожертвовавшие свои жизни ради мира в Древней Руси. Несоответствие образа святых мучеников, сложившегося в народной среде с образом, созданным христианскими книжниками указывает на наличие в их биографиях некоторых героических эпизодов, информация о которых не сохранилась в дошедших до нашего времени письменных источниках.

Детальное исследование основных этапов биографии князей Бориса и Глеба, а также обстоятельств их гибели позволит уточнить многие детали исторических событий того времени.

В дореволюционную эпоху большинство отечественных исследователей не углублялись в причины убийства князей Бориса и Глеба, довольствуясь официальной версией гибели святых братьев [19, с. 158–159], [17, с. 96–97], [11, с. 7–8].

В 1858 г. О. П. Сенковский опубликовал перевод текста скандинавской саги «Прядь об Эймунде» со вступительной статьей и комментариями, в которых выдвинул гипотезу о том, что к убийству святых братьев - Владимировичей мог быть причастен не только Святополк, но и Ярослав [57, с.420–574].

В советский период изучение древнерусской истории проводилось на фоне углубленного исследования социально-экономических процессов, происходивших в то время древнерусских землях. При этом, в целом, концепция об интригах князей Святополка и Ярослава как основной причине гибели Бориса и Глеба осталась доминирующей [1, с. 129–130], [6, с. 27–28], [18, с. 78–79], [25, с. 1077–1079], [55, с. 212–213], [20, с. 238–240].

Белорусский исследователь Г. М. Филист в 1990 году акцентировал внимание исследователей на необходимость учитывать при реконструкции исторических событий 1015–1019 гг. религиозные процессы, происходившие в тогдашнем обществе, при этом всю свою монографию он посвятил доказательству тому, что князь Святополк был язычником [54].

В постсоветский период основная концепция, доминирующая в советской исторической науке изменилась незначительно. Так, подавляющее большинство современных исследователей придерживаются концепции о том, что организаторами убийства могли быть как Святополк, так и Ярослав и доподлинно установить заказчика убийств в настоящее время невозможно [52], [12, с. 65–66]; [26, с. 219–232], [29, с. 177, 183].

Н. Ю. Котляр предположил, что в интригах, в результате которых погибли Борис и Глеб мог принять активное участие также князь Мстислав Владимирович [22, с. 35-39].

По мнению Е. Ю. Томсетт (Советкиной) убийство князя Глеба может иметь иные причины, чем убийство князя Бориса и, эти два преступления, по ее мнению, вообще могут быть не связаны между собой [51, с. 36-43].

Таким образом, несмотря на огромный интерес к теме убийства князей Бориса и Глеба в отечественной исторической науке, в настоящее время не существует единой консолидированной точки зрения относительно причин убийства святых братьев. Историческая реконструкция событий, связанных с гибелью братьев – Владимировичей – основная цель данной статьи.

Начало XI века один из самых драматических периодов в истории Древней Руси. Данные археологии свидетельствуют о продолжении в этот период в восточнославянских землях процессов христианизации, которые нашли свое отражение в смене погребальной обрядности, разрушении языческих городищ-святилищ и их поселений-спутников, а также массовой миграции населения из Среднего Поднепровья в северо-восточные и западные районы Руси. «Повесть временных лет» с 1000 до 1015 гг. практически не сообщает никакой исторической информации за исключением односложных сообщений о смерти того или иного представителя высшей восточнославянской элиты.

Огромное значение приобретают, таким образом, жития святых XI – XII вв. – цикл письменных памятников о Борисе и Глебе («Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба», летописная «Повесть о Борисе и Глебе»), «Житие Авраамия Ростовского», «Житие Леонтия Ростовского», «Житие Константина и Муромского». Несмотря на тот факт, что все эти источники подвержены некоторой агиографической стилизации, они все же содержат бесценную информацию об исторических событиях начала XI в. [13, с. 528].

Некоторые уникальные исторические рассказы содержатся в поздних древнерусских летописях XVI – XVII вв. В частности, в Тверской летописи, а также «Степенной книге царского родословия» сообщаются детали исторических событий начала XI в., которых нет в других источниках.

Интересная информация, проливающая свет на историю христианизации Ярославского Поволжья в конце X – начале XI вв., содержится в народном предании «Сказание о построении града Ярославля», записанном в XVIII в. архиепископом Самуилом Миславским. По мнению И. О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени [50, с. 35–40].

Важную роль в реконструкции событий, связанных с убийством Бориса и Глеба сыграли также зарубежные источники: «Хроника» Титмара Мерзенбургского и исландская «Прядь об Эймунде», в которых можно найти описание событий, произошедших в 1015 гг. в древнерусских землях [48; 57].

Значимую роль в реконструкции событий 1015 года играют также материалы археологических исследований древнерусских могильников конца X – начала XI вв.

Прежде чем установить причины и обстоятельства убийства князей Бориса и Глеба необходимо в общих чертах очертить основные вехи их биографий, а также биографию их старшего брата Святополка – главного подозреваемого в организации их убийства в официальной отечественной исторической науке.

А. Ф. Литвина и Успенский Ф. Б. обратили внимание исследователей на тот факт, что имена всех сыновей Владимира, за исключением Святополка, Бориса и

Глеба заканчиваются на слог «слав». При этом имя Святополка состоит из основ имен Ярополка и Святослава, что можно трактовать как «сын Ярополка», «внук Святослава» [24, с. 49–51]. Такая гипотеза достаточно правдоподобна. У славянских народов даже в раннехристианскую эпоху существовала традиция перед крещением давать детям родовые имена умерших предков, души которых должны были стать небесными покровителями младенцев. Не случайно, даже древнерусские князья в повседневной жизни носили вплоть до начала XIII в. языческие имена.

Таким образом, находит косвенное подтверждение сообщение «Повести временных лет» о том, что Владимир женился на беременной жене своего брата Ярополка.

По мнению Г. М. Филиста Святополк не имел никаких прав на киевский престол, так, как был племянником Владимира, а не его сыном [54, с. 23]. С данным предположением нельзя согласиться. Так, племянники действительно не могли наследовать княжение при наличии живых сыновей, но во всех древнерусских летописях говорится о том, что Владимир вступил в брак с гречанкой ранее, чем родился Святополк. Таким образом, он был официально усыновлен Владимиром и имел те же права, что и остальные сыновья.

В отечественной науке нет единой точки зрения относительно происхождения Бориса и Глеба. Так, С. М. Соловьев и польский исследователь А. В. Поппэ опираясь на опубликованную Татищевым В. Иоакимовскую летопись, пришли к выводу, что матерью Бориса и Глеба была греческая принцесса Анна. Опираясь на это предположение, они сделали вывод о том, что суть конфликта между князем Борисом и старшими братьями заключалась в том, что Владимир ставил христианский брак выше языческого. Таким образом, по их мнению, возник «Заговор обойденных сыновей Владимира», поднявших мятеж в начале против своего отца [45, с. 194–195; 31, с. 308–315].

Д. А. Боровков при этом утверждает, что матерью Бориса и Глеба названа византийская принцесса Анна также и в Тверской летописи [3, с. 19–20]. Однако в данном источнике ничего подобного нет. Так, в единственной фразе, содержащей упоминание о происхождении князей Бориса и Глеба в Тверской летописи можно найти информацию о том, что у них была одна мать, но не указано, что это была принцесса Анна: «умрьша же старьйшему Вышеславу въ Новгородъ, посади (Владимир – Авт.) Ярослава въ Новгородъ, а Бориса въ Ростовъ, а Гльба в Муромъ, бьста бо единою матерья, и живяста въкупъ [35, с. 113].

Таким образом, о родстве князей Бориса и Глеба с византийской принцессой Анной нам сообщает лишь крайне ненадежная Иоакимовская летопись. В большинстве древнерусских летописей и памятниках агиографии сообщается о том, что матерью Бориса и Глеба была некая болгарыня [56; 37, с. 138].

Опираясь на данный факт, отечественные исследователи в большинстве своем принимают гипотезу о том, что святые братья родились от брака Владимира с болгарыней [3, с. 19].

По нашему мнению, при анализе происхождения Бориса и Глеба следует принять во внимание тот факт, что в отличие от своих братьев, Борис и Глеб

упоминаются в летописях под именами, не имеющими хождения в среде восточнославянской воинской элиты. Родовое имя Борис князю-мученику могли дать в честь болгарского царя Бориса II, умершего в 977 г., а Глеб мог получить свое родовое имя в честь младшего брата своего деда Святослава – Глеба, упоминаемого в Иоакимовской летописи.

Не имеют аналогов среди имен русских князей и крестильные имена братьев-страстотерпцев. Согласно тексту «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба»: «Блаженному Борису в крещении дано было имя Роман. Святому Глебу в крещении дано было имя Давид» [56].

М. Д. Приселков опираясь на крестильные имена Бориса и Глеба – Роман и Давид, предположил, что они даны в честь представителей западно-болгарской династии. По его мнению, крестильное имя Роман, Борис мог получить в честь Романа – сына болгарского царя Бориса II, а имя Давид было дано Глебу в честь Давида – сына царя Самуила [32, с. 28].

Таким образом, информация, размещенная в большинстве древнерусских летописей о том, что матерью Бориса и Глеба была знатная болгарыня, находит подтверждение. Гипотеза С. М. Соловьева и А. В. Поппэ о происхождении Бориса и Глеба от матери – княгини Анны можно признать несостоятельной. Борис и Глеб родились в языческом браке, как и остальные сыновья Владимира.

Точные даты рождения Бориса, как и его брата Глеба неизвестны. В дошедших до нашего времени письменных источниках нет на этот счет абсолютно никакой информации.

Уже первое распределение уделов князем Владимиром между сыновьями в 988 году вызывает недоумение. Так, князь Святополк вопреки традиции старшинства получил не Ростов, а захолустный племенной центр дреговичей на реке Припять – Туров. Ростов же князь Владимир передал его младшему брату Ярославу: «И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотыськь, а Святополка Турове, а Ярослава Ростовь» [30, с. 52]. Если не брать во внимание такие крупные города, как Любеч, Чернигов и Смоленск, которые, по видимому, напрямую управлялись наместниками из Киева, то Ростов вполне соответствовал статусу третьего по величине города Древней Руси после Киева и Новгорода. Таким образом, находит подтверждение фраза из «Сказания, страдания и похвалы святым мученикам Борису и Глебу» о том, что Святополк «не любил Владимир» [44].

Согласно данным археологии в конце X в. (то есть в период, когда здесь предположительно правил князь Святополк) курганные могильники туровских дреговичей сменились захоронениями на горизонте, что полностью соответствует христианской обрядности [42, с. 118]. Данный факт может послужить косвенным свидетельством того, что Святополк, находясь на княжении в Турове успешно способствовал христианизации местных жителей.

После смерти старших братьев Святополка – Изяслава и Вышеслава произошло новое перераспределение земель, в результате которого второй по значимости город Новгород, ожидаемо, получил Ярослав. Он, же, вероятно, и стал официальным наследником князя Владимира. Борис тогда получил в свой удел Ростов, а Глеб –

Муром. Святополк в данном отрывке летописи вовсе не упоминается: «Умершу же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревехъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани» [30, с. 54].

Г. М. Филлист предположил, что Владимир не отправил Святополка в Новгород потому, что якобы тот был язычником, а в Новгороде к тому времени уже сложилась христианская элита [54, с. 26].

С данным предположением нельзя согласиться. Во-первых, Владимир отправлял своих сыновей в окраинные земли для усиления христианизации и язычника он бы наместником никуда бы не назначил. Во-вторых, Новгород, сравнительно недавно был окрещен, и в городе оставалось немало скрытых сторонников язычества, в том числе и среди местной элиты. Так, согласно «Повести временных лет» когда в Новгород в 1071 году пришел волхв, то его поддержало все население города, а местного епископа только князь Глеб Святославич и его дружина: «Сиць волхвъ всталъ при Гльбѣ в Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творяся акы богъ, многы прельсти, мало не всего града. И бысть мятежь в град и вси веряша ему, и хотяху погубити епископа. Епископъ же, вземъ крестъ и облекъся в ризы, ста, рек: «Иже хочеть вѣру яти волхву, то да идетъ за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася надвое: князь бо Гльбѣ и дружина его идоша и стаха у епископа, а людьє вси идоша за волхва» [30, с. 78].

Таким образом, для исключения Святополка из системы распределения уделов должна была существовать другая причина. Несколько проясняет данную ситуацию отрывок из «Хроники» Титмара Мерзенбургского. Согласно данному источнику, один из сыновей Владимира женился на дочери князя Болеслава. Вместе с ним прислали Рейнберна, епископа Кольберга. Владимир узнал о готовящемся против себя заговоре и приказал посадить своего сына, его жену и католического епископа в тюрьму. После смерти отца находящийся в неволе сын Владимира, бросив жену, якобы, бежал в Польшу [48, с. 72].

Единственным сыном Владимира, женатым на дочери польского короля Болеслава Храброго был князь Святополк. Таким образом, можно предположить, что именно он принял участие в заговоре против отца, за что был лишен всех прав и уделов и посажен в тюрьму. К сожалению, Титмар из Мерзенбурга не указал дату заключения Святополка. Судя по сообщениям «Повести временных лет» и летописи Татищева В. это произошло между 988 г. (передачи ему удела с центром в Турове) и 1010 г., (согласно Татищевской летописи в этом году умер князь Вышеслав) [47, с. 64].

Находился ли в заключении Святополк накануне смерти отца или был выпущен из неволи уже после смерти Владимира мы не знаем. Вполне возможно, что соответствует действительности сообщение Титмара Мерзебургского о том, что Святополк просидел в тюрьме вплоть до смерти отца в 1015 г. Так, в данном источнике сообщается, что гнев Владимира на заговорщиков был настолько велик, что он, не побоявшись внешнеполитических осложнений, приказал заточить в неволю дочь польского короля Болеслава Храброго и католического епископа.

Однако согласиться с фразой из «Хроники» о том, что после смерти отца Святополк бежал в Польшу мы не можем. Как верно заметил Назаренко А. В. признать ее подлинной, означает признать фальсификацией всю картину событий 1015–1018 гг., рисуемую древними источниками [28, с. 454]. Скорее всего, Титмар Мерзенбургский в данном случае допустил неточность.

Г. М. Филист предположил, что Святополк никогда не был крещен и оставался язычником до конца своих дней [54, с. 26].

С данной гипотезой также нельзя согласиться. Так, Святополк не смог бы жениться на дочери короля Болеслава, будучи язычником. Известно, что вышеназванный король был фанатичным католиком. Так, польский хронист Галл Аноним сообщает о нем следующее: «Он так упорно уничтожал заколдованных в язычестве в Селезии, Поморье и Пруссии, а обратившихся в истинную веру поддерживал, что построил там много церквей и поставил епископов при помощи папы или, вернее, их поставил папа при его поддержке [4, с. 76]. Схожие данные можно найти и в Хронике Титмара из Мерзенбурга, который несмотря на свою глубокую неприязнь к Болеславу, отмечал: «Немалые средства поступали из Польши в распоряжение Рима через Познаньского епископа, находившегося в непосредственном подчинении папе [48, с. 76].

Зятя-язычника у одного из самых больших врагов польских языческих общин в то время быть не могло. Вместе с тем, данные Титмара Мерзенбургского косвенно свидетельствуют о том, что Святополк под давлением тестя перекрестился из православной в католическую веру. Во всяком случае, Титмар Мерзенбургский назвал католического епископа, прибывшего вместе со Святополком и его женой в Киев его названным отцом. Епископ, согласно данным германского хрониста оказался очень проворен и: «взрастил для всемогущего Господа новую ветвь на бесплодном древе, то есть привил чрезвычайно бестолковому народу слово святой проповеди» [48, с. 76]. Видимо, он пытался перекрещивать местных жителей из православной веры в католическую, за что и был посажен в темницу князем Владимиром.

Интересно, что Владимирский летописец сообщил о том, что после смерти отца: «Святополкъ же нача княжити в Киевѣ, и приведе люди собѣ в вѣру» [38, с. 37]. Речь в данном отрывке может идти лишь о перекрещивании, то есть о переводе православных киевлян в католичество. Таким образом, находит объяснение глубокая неприязнь Православной Церкви к Святополку.

Аргумент Г. М. Филиста о том, что Святополк не мог быть католиком, поскольку в то время еще не существовал католицизм, не может быть взят во внимание. Христианская община действительно официально распалась на православную и католическую в 1054 г., но западная и восточные христианские церкви сложились задолго до этой даты. В начале XI в. между Римом и Константинополем уже шла ожесточенная война за сферы влияния в восточной Европе.

В то время как Святополк находился в неволе, Борис пытался окрестить свой новый удел. Ростовская земля в то время включала огромные территории: в

междуречье Волги и Оки и районе Белоозера. Населены эти земли были преимущественно финно-угорскими народами. Славянская колонизация здесь только начиналась. С севера и востока сюда продвигались новгородские славяне, кривичи и вятичи, с юга – переселенцы из Поднепровья.

Судя по дошедшим до нас письменным свидетельствам и данным археологии первая волна христианизации, прокатившаяся по Древней Руси в конце 80-ых гг. X в., своих целей не достигла. Так, Никоновская летопись и целый ряд других источников сообщает о том, что в 992 князь Владимир был вынужден организовать военный поход в Северо-Восточную Русь под предводительством митрополита Михаила: «Иде Михаил митрополит по Русской земле и до Ростова, с четырма епископы Фотием патриархом, и с Добрынею и с Анастасом; а друзии епископы Фотеевы в Киеве пребываху. И учаше митрополит всех с епископы веровати в единого бога в троице славимаго, и научи и наказа богоразумию и благочестию многих, и крести без числа людей, и многиа церкви въздвиже, и презвитеры и диаконы постави, и клиросы устрои, и уставы благо честне устави. И бысть радость велика в людех, и множашеся вероющеи, и повсюду прославлявшеся имя Христа бога» [34, с. 64]. Однако, судя по всему, и после похода митрополита Михаила в Ростовских землях оставалось немало язычников.

Согласно «Сказанию о построении града Ярославля» предшественник Бориса князь Ярослав накануне своего отъезда в Новгород столкнулся с некими «злыми язычниками» из поселения Медвежий угол. Они не подчинялись княжеской власти и грабили купцов, идущих по Волге. Дружина Ярослава разбила ладьи язычников, и они поклялись Велесом, что будут служить Ярославу. Однако пришедших вскоре к Медвежьему углу христианских священников они прогнали, а на самого князя спустили медведя. Князь приказал построить недалеко от Медвежьего угла город Ярославль с несколькими христианскими церквями» [23, с. 111–113].

Таким образом, сменивший в 1010 г. князя Ярослава князь Борис должен был здесь столкнуться при христианизации местных жителей с не меньшими трудностями, чем его старший брат.

Даже в тогдашнем центре Ростовского удела согласно «Житию Авраамия Ростовского» еще в начале XI в. жили язычники, почитавшие бога Велеса: «Видев же преподобный Авраамие прелесть идольскую сущю во граде Ростове, не убо бе еще граждане прияша святое крещение. Но чюдски живуще и покланяющесе идолу камену Велеса». В качестве покровителя святителя Авраамия, при котором на месте идола Велеса была построена церковь Иоанна Богослова в «Житие» упоминается князь Борис Владимирович [14].

Борис, согласно данным «Жития Леонтия Ростовского» прибыл в Ростов вместе с новым епископом Илларионом. Подробности его деятельности в роли ростовского князя мы не знаем, однако княжение его было не из легких. Так, согласно тексту «Жития Леонтия Ростовского», сменивший епископа Федора епископ Илларион вскоре сбежал из Ростова, не выдержав издевательств местных язычников: «За премногую добродетель Леонтий епископом поставлен бысть градоу Ростову, имже

преж бывшии ту епископи, Феодор и Ларион избегоша, и не терпяще неверствия и многодосаждения людей [49, с. 7].

Вместе с тем, согласно данным археологии, значительная часть населения Северо-Восточной Руси в конце X – начале XI приняла христианство. Так, в славянских курганах Верхнего Поволжья, а также бассейнов рек Мологи, Суды и Шексны трупосождения сменились трупоположениями, а в начале XI в. этот обряд захоронения стал в Северо-Восточной Руси господствующим [7, с. 21, 24–25, 27–29].

В настоящее время невозможно установить степень участия князей Ярослава и Бориса в деле христианизации Северо-Восточной Руси, но несомненно, что они оба оказали значительное влияние на данный процесс. Согласно «Книги Степенной русских царей» Борис в своих землях: «Благочество господствуя и неверныя въ веру обращаая». При этом сообщается, что он был в ратехъ храборь» [37, с. 138].

В не менее сложную ситуацию попал князь Глеб, отправленный князем Владимиром в 1010 году в Муром. В начале XI в. на месте летописного Муромского княжества находилось несколько десятков поселений финно-угорского племени меря с довольно крупным городком в центре, населенным представителями финно-угорских племен [2, с. 223–226], [9, с. 33–42].

Христианизация здесь проходила также сложно, как и в Северо-Восточной Руси. Так, в «Житие Константина Муромского» сообщается о том, что князь Глеб Владимирович, получив благословение от отца своего Владимира: «Поиде ко граду Мурому и став под градом, и в Муроме граде неверные люди многие исполчишася и укрепишася, и стояв под градом Муромом и отиде. И невернии людие князю Глебу не здашася, и благоверный князь Глеб тех неверных людей не одолев, от града Мурома отиде 12 поприщ и жит ту в пределах муромских два лета [43, с. 101].

Как проводилась христианизация в других поселениях княжества установить сложно. В племени летописной муромы в дохристианский период хоронили умерших в основном по обряду ингумации в грунтовых могильниках (останки людей, захороненных по обряду кремации исследователи обнаружили лишь в 16% захоронений) [16].

Единственным возможным маркером перехода местного населения от язычества к христианству является смена меридианного направления трупоположения (головой на север), на трупоположение головой на запад (что соответствует христианской обрядности). Массовый переход к обряду трупоположения головой на запад в муромских могильниках начался в первой половине XI в. и продолжился вплоть до конца XII в. [10].

Таким образом, можно предположить, что несмотря на неудачи в христианизации самого Мурома, князю Глебу удалось крестить значительную часть муромского племени.

К сожалению, на данный момент не представляется возможным определить когда князь Борис оставил свой удел и прибыл в Киев. Так, в Никоновской и Тверской летописях сообщается о том, что князь Борис находился при своем

больном отце еще до набега печенегов [35, с. 113], [34, с. 69]. Сходные данные сообщает и «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба» [56].

Согласно летописи Татищева В. после смерти Вышеслава в 1010 году Глеб получил Муром – вотчину, Бориса. Сам же Борис пребывал при отце неотлучно [47, с. 64]. В том же источнике можно найти информацию о том, что Владимир задолго до своей смерти объявил Бориса своим наследником [47, с. 65].

Данному сообщению можно верить. Так, князю Ярославу не было бы никакого смысла начинать междоусобный конфликт с больным отцом, если бы не появился новый наследник киевского престола. Князь Святополк в то время был лишен всех прав и находился в неволе, а сам князь Ярослав после смерти Владимира первоначально должен был унаследовать киевский престол. Показательным выступает также тот факт, что именно Борис возглавил киевскую дружину в походе на печенегов. Согласно древнерусским традициям возглавить киевскую дружину мог только великий князь.

Таким образом, можно предположить, что князь Владимир, вопреки установившейся в Древней Руси традиции передаче наследственных уделов сделал своим наследником князя Бориса, нарушив при этом права его старших братьев Святополка и Ярослава. Это спровоцировало конфликт между братьями в будущем и предопределило убийство наемниками князя Святополка его сводного брата Бориса.

Вместе с тем, лишение прав на наследство князей Святополка и Ярослава, возможно, было не единственной причиной убийства князя Бориса. Так, в Тверской летописи, например, сообщается о том, что Святополк, придя к власти в Киеве, возвращал имения и раздавал «отпусты», то есть прощения: «Святополкъ съде въ Киеве по отци, и призва Кианы, и многи дары имъ раздаа, и отпусты и имения возврати» [35, с. 123]. Учитывая тот факт, что Владимир перед смертью тяжело болел, можно предположить, что еще до прихода печенегов русские земли в Киеве произошел какой-то мятеж и подавлять его пришлось официальному наследнику князя Владимира то есть князю Борису.

На протяжении всего XI в. мятежи в Древней Руси носили антихристианский характер. Примером в этом отношении может послужить упомянутое в «Повести временных лет» антихристианское восстание в Суздале 1024 года: «В льто 6532 год въсташа вольсьви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наущенью и бьсованию, глаголющее, яко сии держать гобино. Бъ мятежь великъ и голодь по всей той странъ. Слышав же Ярославъ волхвы, приде Суздалю; изъймавъ волхвы, расточи, а другыя показни [30, с. 64–65]. Как видно из данного источника, часть мятежников Ярослав казнил, часть лишил имущества (имения). Если предположить, что Борису незадолго до гибели пришлось подавлять подобное антихристианское восстание в Киеве, то вполне возможно, что он, как и его старший брат, спустя семь лет в Суздале, казнил часть мятежников, а у остальных отобрал имущество. Возможно, что эти «имения», которые некогда конфисковал Борис и возвращал Святополк.

Святополк, нуждаясь в поддержке киевлян, мог провести какие-то послабления для тайных язычников или двоеверцев, живущих в Киеве. Согласно Радзивилловской летописи Святополк терпимо относился к скomorохам и они развлекали его на пирах: «Люте бо граду (Киеву-Авт.) стало в немже князь унь, любяи вино пити с гусями и со младыми свѣтници, сяковыа даеть богъ за грехи [39, с. 61].

В Софийской первой летописи и Летописце Переяславля Суздальского автор внезапно сообщает о том, что вышгородские бояре попадут в ад не только как убийцы князя Бориса, но и как язычники, забывшие бога: «Оканнии же они оубици възвратятя грѣшници въ адъ, яко язѣци забывающеи Бога [40, с. 41; 41, с. 50].

В пользу предположения о том, в Киеве во второй половине 10-ых годов XI вв. происходила жесткая борьба между язычниками и христианами свидетельствует сообщение из «Повести временных лет» о том, что после того, как Ярослав разбил Святополка в 1017 году и пришел в Киев, там «погорь церкви» [30, с. 63]. Назаренко А. В. обратил внимание исследователей на тот факт, что во многих древнерусских летописях данная фраза составляет часть испорченного сообщения о неких событиях, вычеркнутых из текста летописей [28, с. 471]. Вполне возможно, что первоначально в летописях сообщалось об антихристианских выступлениях киевлян, повлекших поджоги христианских церквей.

Информацию о пожаре в киевских церквях в 1017 г. сообщает и Титмар из Мерзенбурга [48, с. 89].

Таким образом, можно предположить, что князь Борис накануне смерти князя Владимира подавил какое-то народное антихристианское выступление в Киеве и этим вызвал неприязнь у местного населения.

Показательно в этом отношении выглядит сообщение из Тверской летописи о том, что когда тело несчастного Бориса привезли в ладье в Киев, то местные жители не приняли его: «И привезшее на Днѣпръ, вложиша его (Бориса – Авт.) въ лодию, и припувшѣ съ нимъ подъ Киевѣ; Кыане же не приаша его, но отринууша прочь. И привезшее тѣло его отай, положиша у церкви святого Василия, въ Вышегородѣ, въ землю погребоша [35, с. 128].

Неприязнь киевлян к князю Борису умело использовал князь Святополк, решивший повысить их расположение к себе дорогими подарками: «Святополкъ же оканный нача княжити Киевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другимъ кунами, и раздай множество» [30, с.58].

Для чего ему понадобилось задабривать жителей Киева поясняет «Степенная книга царского родословия» согласно которой, Святополк раздавал киевлянам подарки для того, чтобы они присягнули ему на верность: «И созва къ себѣ Кияны и даяше имъ многа имения, дабы ему присягу имели» [37, с. 140].

Как видно из вышеприведенных источников, убийству князя-мученика предшествовало собрание киевлян, на котором они признали князем Святополка, но при этом все же сильно опасались Бориса с киевской дружиной. Отказавшись от князя Бориса киевляне фактически стали соучастниками его убийства.

Согласно летописной версии «Жития Бориса и Глеба» именно лояльность киевлян стала главным козырем Святополка в борьбе с Борисом. Так, перед

убийством Бориса его оставила киевская дружина, а непосредственными участниками убийства стали вышгородские бояре – жители пригорода Киева: «Борису же възвратившюся съ войскомъ, не встретивъ печенегъ, всть приде к нему: «Отець ти умерль». Рьша же ему дружина отня: «Се дружина у тебе отня и вои. Поиди, сяди Киевъ на столъ отни». Он же рече: «Не буди мнъ възняти руки на брата своего старьшаго. И се слышавше вой разидошася от него. Борисъ же стояше съ отроки своими. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и вышегородскыъ болярць, и рече имъ: «Не повьдуче никому же, шедше убийте брата моего Бориса». Послании же придоша на Лтьо ночью, и подьстуттиша ближе, и се нападоша акы зврье дивии около шатра, и насунуша й копы, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на нем, прободоша с нимъ [30, с. 59].

Обращает на себя внимание пассивное поведение личной ростовской дружины Бориса, называемой в летописном списке «Жития» отроками. В разных вариантах «Жития Бориса и Глеба» они либо вовсе не упоминаются после ухода киевской дружины, либо сообщается, что они «испугашеся» вышгородских бояр и были перебиты уже после гибели князя Бориса. В Степенной книге русских царей Борис сам отпустил от себя свою дружину: «И тако увьщевая всехъ и целовавъ отпусти ихъ и вси хотяше удержатися и не можаше. И вси печалию смющени разойдошеся [37, с. 142].

В тогдашней Руси, чем больше была территория княжества, тем больше было в дружине воинов [8, с. 64–65]. Дружина ростовского князя, контролирующего огромную территорию, должна была состоять как минимум из нескольких тысяч воинов. Испугаться нескольких бояр (даже если они пришли на Альту с вооруженными слугами) никак не могли. Осмелился же заступиться за своего князя, согласно «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба» лишь один воин-венгр по происхождению по имени Григорий [56].

Таким образом, можно предположить, что Бориса предали не только киевские воины, но и собственная ростовская дружина. К сожалению, на данный момент невозможно установить причины ее предательства.

Интересно, что текст «Саги об Эймунде» в целом не противоречит летописному рассказу об убийстве Бориса. Так, согласно данному источнику, войско Бориса разбежалось, не приняв боя с противником: «И было так, как думал Эймунд конунг, – все войско Бурислава конунга ушло и разошлось в несогласии» [57, с. 76].

Таким образом, второй причиной убийства князя Бориса стал конфликт с жителями тогдашнего Киева и предательство воинов из киевской и ростовской дружин.

Об убийстве князя Глеба «Повесть временных лет» сообщает следующим образом: Святополкъ же оканьный помысли въ собъ, рекъ: «Се убихъ Бориса; како бы убити Гл'ьба?». И приымъ помысль Каиновъ, с лестью посла къ Гл'ьбу, глаголя сиче: «Поиди вборзъ, отець тя зоветь, не сдравить бо велми». Гл'ьбъ же вборзъ вс'ьдъ на конь, с малою дружиною поиде, б'ьбо послушливъ отцо. И приде Смоленску, и поиде от Смоленска, яко зр'ьемо, и ста на Смядин'ъ в насадъ. И сиче ему молящюся съ слезами, се внезапно придоша послании от Святополка на

погублене Гл'ьбу. И ту абье послании яша корабль Гл'ьбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Гл'ьбови уныша. Оканьный же посланный Горяс'брь повел'е вборз'ь заръзати Гл'ьба. Поваръ же Гл'ьбовъ, именовъ Торчинъ, вынезь ножь, заръза Гл'ьба, акы агня непорочно. Глебу же убьену бывшу и повержену на брез'ь межи двома колодама, посемь же вземше везоша й, и положиша й у брата своего Бориса у церкви святого Василья [30, с.60-61].

Согласно «Сказания и страдания и похвалы святым мученикам Борису и Глебу» убийство младшего брата Бориса свершилось 5 сентября 1015 года в урочище Смядынь недалеко от Смоленска [44].

Е. Ю. Томсетт обратила внимание исследователей на тот факт, что князь Глеб, который должен был ехать в Киев из Муромских земель, выбрал для этого странный маршрут. Смоленск находился прямо в противоположном направлении по пути в Новгород. По мнению исследовательницы, Глеб и не собирался ехать в Киев [51, с. 37].

Вызывает сомнение и дата убийства князя Глеба. Так, во многих древнерусских летописях не указывается откуда отправился в Киев Глеб перед своей гибелью. Примером может послужить текст «Повести временных лет» в котором сообщается о его последнем путешествии следующим образом: «Гл'ьбъ же вборз'ь вс'ьдъ на конь, с малою дружиною поиде, б'ь бо послушливъ отцю [30, с.60]. Лишь в нескольких поздних источниках, в частности, в «Степенной книге царского родословия» можно найти информацию о том, что он отправился в Киев из Муroma [37, с. 145].

Однако в «Житие Константина Муромского» сообщается о том, что в своей вотчине князь Глеб пробыл всего лишь два года: «Благоверный князь Глеб тех неверных людей не одолев, от града Муroma отиде 12 поприщ и жит ту в пределах муромских два лета» [43, с. 101].

Если сообщенная Татищевской летописью дата смерти князя Вышеслава – 1010 год соответствует действительности, то князь Глеб покинул свой Муромский удел не в 1015 году, а еще в 1012 году. Таким образом, и убит он был в 1012 году.

В 1012 г. был жив и здоров князь Владимир, а князь Святополк, скорее всего, находился в неволе и никак не мог организовать убийство своего брата. Кроме того, как верно заметила Томсетт Е. Ю., убивать князя Глеба Святополку не было никакого смысла. После гибели князя Бориса следующими по старшинству князьями были Всеволод, Святослав и Мстислав [51, с. 38].

Характерно, что как и в случае с князем Борисом, собственная дружина не стала защищать князя Глеба. Напротив, один из его слуг стал непосредственным убийцей князя. В «Повести временных лет» дружинники Глеба фактически представлены трусами («Отроци Гл'ьбови уныша») [30, с. 60–61]. Данная фраза не может быть признана достоверной. Никакие убийцы не могли бы испугать дружину профессиональных воинов. Пассивность муромской дружины князя Глеба была вызвана какой-то другой причиной.

В «Степенной книге царского родословия» приводится другая версия, согласно которой Глеб, предчувствуя свою гибель, сам приказал дружинникам и слугам

оставить его [37, с. 147]. Видимо, автора данного документа также смутил факт предательства дружины Глеба и он придумал логичное тому объяснение, которое также не может быть принято. Если бы Глеб действительно распустил свою дружину и слуг, то его бы не смог убить собственный повар Торчин.

Непосредственным организатором убийства Глеба, согласно «Повести временных лет» и ряда других письменных источников выступил некий Горясер, по приказу которого Глеба убил его слуга [30, с. 60–61; 56]. Горясер имя не христианское и имеет не славянские, а иноязычные корни (норманнские, финно-угорские или тюркские) [51, с.38].

На финском языке фраза «приносящий жертву» звучит как «Ghrauksen» [21, с. 289–290]. Финское слово «Ghrauksen» вполне возможно трансформировалось в русских источниках в имя собственное «Горясер». В таком случае Горясер это не имя убийцы, а должность одного из жрецов финского племени мурома, отправленного к дружинникам и слугам князя Глеба с сообщением о смертном приговоре их князю. В начале XI в. даже недавно окрещенные люди признавали право языческих жрецов и шаманов на ритуальное убийство.

Примером этому может послужить летописный рассказ из «Повести временных лет», в котором под 1071 годом сообщается о приходе в Белоозеро двух волхвов: «Бывши бо единою скудости в Ростовьст'ьй области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюща, яко «Ведаемъ кто обилье держить». И пойдоста по Волз'ь, кдъ приидуча в погосте ту же нарекаете лучши'ь жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя [30, с.76]. Как мы видим из данного отрывка «Повести временных лет» недавно окрещенные белозерцы приводили языческим жрецам на смерть близких им женщин – матерей, сестер и жен.

Таким образом, находит объяснение пассивность дружинников князя Глеба, не защитивших своего князя.

В пользу предположения о том, что убийство Глеба было совершено язычниками свидетельствует и способ убийства. Так, в «Степенной книге царского родословия» сказано, что слуга Торчин перерезал Глебу горло подобно жертвенному животному: «И сия святому рекшу прежереченный поваръ святого Глеба, ему же имя Торчинъ, закла по гортани ножемъ господина своего» [37, с. 147–148].

Характерно, что тело несчастного князя похоронили согласно языческим обычаям на распутье «Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод» [56]. В языческую эпоху за пределами родовых могильников хоронили преступников или святотатцев [15, с. 399–414].

Для язычников того времени считалось большим успехом взять в плен и принести в жертву высокопоставленного врага. Особенно страшно перед смертью они истязали христианских священнослужителей и представителей власти, отличившихся в борьбе с язычеством. Так, в 1203 году во время одного из антихристианских восстаний финского племени эстов жители Гольма схватили своего священника Иоанна, отрубили ему голову и отнесли в чашу, а тело порезали

на куски [5, с. 43]. Можно предположить, что убийство князя Глеба на глазах у его дружинников было частью обряда языческого жертвоприношения высокопоставленного врага и было организовано жрецами племени мурома в качестве мести за мероприятия, связанные с распространением христианства в муромских землях.

Интересно, что уже авторы поздних летописей не были уверены в том, что заказчиком убийства князя Глеба был Святополк. Так, в Летописи Авраамки Святополк указывается как организатор убийца лишь князя Бориса: «Того же мьсяца июня 24 убиень бысть Борисъ отъ Святополка, а Гльбъ убиень бысть сентября 5 [36, с. 40].

Таким образом, можно предположить, что через два года после назначения князем в муромские земли князь Глеб хотел покинуть свой удел, но был достигнут врагами и убит в смоленской земле по приказу служителей языческого культа. Гибель князя Глеба была никак не связана с интригами князя Святополка и убийством князя Бориса.

В целом, можно сделать вывод о том, что одной из причин убийства князя Бориса стало его объявление наследником князя Владимира, вопреки тогдашним традициям наследования. Другой его причиной стал конфликт с жителями Киева, существенно облегчивший князю Святополку задачу по устранению своего сводного брата.

Деятельность, связанная с христианизацией муромских земель стала причиной убийства младшего брата князя Бориса князя Глеба. Введу того, что оба брата-стастнотерпца оказали большое положительное влияние на христианизацию древнерусских земель они стали в народном сознании восточных славян символом воинской доблести и победы над язычеством.

Список использованных источников и литературы

1. Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. – М.: Наука, 1971. – 134 с.
Aleshkovsky M. X. The Tale of Bygone years. The fate of a literary work in Ancient Russia. – Moscow: Nauka, 1971. – 134 p.
2. Богатов (Муром) И. П. О времени возникновения г. Муром // Советская археология. – 1959. – № 3. – С. 223–226
Bogatov (Murom) I. P. About the time of the emergence of the city of Murom // Soviet Archeology. – 1959. – №. 3. – P. 223–226
3. Боровков Д. Тайна гибели Бориса и Глеба. – М.: Вече, 2014. – 320 с.
Borovkov D. The mystery of the death of Boris and Gleb. – М.: Veche, 2014. – 320 p.
4. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Перевод Л. М. Поповой. – М.: Наука, 1961. – 254 с.
Gall Anonymous. Chronicle and deeds of Polish princes or rulers / Translation by L. M. Popova. – М.: Science, 1961. – 254 p.
5. Генрих Латвийский. Хроники Ливонии. Пер. Е. В. Чешихина-Ветринского // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига. Лиесма, 1876. – Т. 1. – С. 65–285.
Henry of Latvia. Chronicles of Livonia. Per. E. V. Cheshikhin-Vetrinsky // Collection of materials and articles on the history of the Baltic region. Riga. Liesma, 1876. – Т. 1. – P. 65–285.

6. Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XII вв. – Киев: Наукова думка, 1988. – 137 с.
Golovko A. B. Ancient Rus' and Poland in political relations of the X – first third of the XII centuries. – Kyiv: Naukova Dumka, 1988. – 137 p.
7. Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X-XIII вв. – М.: Наука, 1973. – 210 с.
Golubeva L. A. All and Slavs on White Lake X-XIII centuries. – М.: Nauka, 1973. – 210 p.
8. Горский А. А. Древнерусская дружина. (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). – М.: Прометей, 1989. – 124 с.
Gorsky A. A. Old Russian squad. (On the history of the genesis of class society and the state in Rus'). – М.: Prometheus, 1989. – 124 p.
9. Горюнова Е.И. Муромский могильник // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 1953. – Вып. 52. – С. 33–42
Goryunova E. I. Murom burial ground // Brief communications of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. – 1953. – Issue. 52. – P. 33–42
10. Гришаков В. В., Зеленева Ю. А. Муром VII – XI вв. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1990 – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20070307081228/> http://www.museum.murom.ru/wwwmus/archaeol/gr_z90.
- Grishakov V.V., Zeleneva Yu. A. Muroma VII – XI centuries. – Yoshkar-Ola: MarGU, 1990. – Electronic resource. Access mode: https://web.archive.org/web/20070307081228/http://www.museum.murom.ru/wwwmus/archaeol/gr_z90.
11. Грушевський М. С. Історія України-Руси. – Київ: Наукова думка, 1991. – Т.1. – 648 с.
Hrushevskiy M. S. History of Ukraine-Rus. – Kyiv: Naukova dumka, 1991. – Vol.1. – 648 p.
12. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 399 с.
Danilevsky I. N. Ancient Rus' through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries). – М.: Aspect-Press, 1999. – 399 p.
13. Дмитриев Л. А. Комментарии к «Сказанию о Борисе и Глебе» // Библиотека литературы Древней Руси. – Т.1: XI – XII века. – СПб.: Наука, 1997. – С. 527–531.
Dmitriev L. A. Comments on «The Tale of Boris and Gleb» // Library of Literature of Ancient Rus'. – Т.1: XI – XII centuries. – St. Petersburg: Nauka, 1997. – P. 527–531.
14. Житие Авраамия Ростовского. Электронный ресурс. Точка доступа: https://ruvera.ru/lib/prepodobnyj_avramij_rostovskij.
Life of Abraham of Rostov. Electronic resource. Access point: https://ruvera.ru/lib/prepodobnyj_avramij_rostovskij
15. Зеленев Д. К. Древнерусский языческий культ «заложенных» покойников // Вестник АН СССР. – 1917. – Т. 11, №7. – С. 399–414
Zelenin D. K. Ancient Russian pagan cult of «pledged» deceased // Vestnik AN USSR. – 1917. – Vol. 11, № 7. – P. 399–414
16. Зеленцова О. В., Швецова А. А., Милованов С. И. Новый муромский могильник в правобережье Оки. Электронный ресурс. Точка доступа: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/novyuy-muromskiy-mogilnik-v-pravoberezhe-oki>
Zelentsova O. V., Shvetsova A. A., Milovanov S. I. New Murom burial ground on the right bank of the Oka. Electronic resource. Access point: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/novyuy-muromskiy-mogilnik-v-pravoberezhe-oki>
17. Иловайский Д. Становление Руси. – М.: АСТ, 2003. – 860 с.
Ilovaisky D. Formation of Rus'. – М.: AST, 2003. – 860 p
18. Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 210 с.
Ilyin N. N. Chronicle article of 6523 and its source. (Analysis experience). – М.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1957. – 210 p.
19. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М.: ЭКСМО, 2003. – Т. 1. – 422 с.
Karamzin N. M. History of the Russian State. – М.: EKSMO, 2003. – Т. 1. – 422 p.

20. Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X – XI вв. – М.: Наука, 1964. – 412 с.
Korolyuk V.D. Western Slavs and Kievan Rus in the X – XI centuries. – М.: Nauka, 1964. – 412 p.
21. Куусинен М. Э. Оллькайнен В. М. Сьрьялайнен Ю. Э. Новый большой русско-финский словарь. – М.: Русский язык, 1999. – 844 с.
Kuusinen M. E. Ollykainen V. M. Syryalainen Yu. E. New large Russian-Finnish dictionary. – М.: Russian language, 1999. – 844 p.
22. Котляр Н. Ф. Князь Окаянный? Был ли Святополк убийцей своих братьев Бориса и Глеба // Родина. – 2000. – № 12. – С. 35–39.
Kotlyar N. F. Prince Damned? Was Svyatopolk the murderer of his brothers Boris and Gleb // Rodina. – 2000. – №. 12. – S. 35–39.
23. Лебедев А. Н. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. – Ярославль: Типография Губернской земской управы, 1877. – 32 с.
Lebedev A. N. Temples of the Vlasevsky parish in Yaroslavl. – Yaroslavl: Printing house of the Provincial Zemstvo Council, 1877. – 32 p.
24. Литвина А. Ф. Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. – М.: Индрик, 2006. – 904 с.
Litvina A. F. Uspensky F. B. The choice of a name among Russian princes in the X – XVI centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy. – М.: Indrik, 2006. – 904 p.
25. Лященко А. И. «Eumundar Saga» и русские летописи // Известия Академии Наук СССР. Сер. VI. – 1926. – Т. XX, № 12. – С. 1061–1086.
Lyashchenko A. I. «Eumundar Saga» and Russian chronicles // News of the USSR Academy of Sciences. Series VI. – 1926. – Т. XX, №. 12. – P. 1061–1086.
26. Михеев С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – 292 с.
27. Монгайт А. Л. Раскопки старой Рязани // По следам древних культур. Древняя Русь. – М.: Наука, 1953. – С. 289–320.
Mongait A.L. Excavations of old Ryazan // In the footsteps of ancient cultures. Ancient Rus'. – М.: Nauka, 1953. – P. 289–320.
28. Назаренко А. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 781 с.
Nazarenko A. Ancient Rus' on international routes. Interdisciplinary essays on cultural, trade, political relations of the 9th–12th centuries. – М.: Languages of Russian Culture, 2001. – 781 p.
29. Петрухин В. Я. Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 760 с.
Petrukhin V. Ya. From the history of Russian culture. Т. 1. Ancient Rus'. – М.: Languages of Russian Culture, 2000. – 760 p.
30. Повесть временных лет / Под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
The Tale of Bygone Years / Ed. and from before V. P. Adrianova-Peretz. – М.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. – 239 p.
31. Поппэ А. В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2003. – Т. 54. – С. 308–315
Poppe A.V. Earthly destruction and heavenly triumph of Boris and Gleb // Proceedings of the department of ancient Russian literature. – St. Petersburg: 2003. – Т. 54. – P. 308–315
32. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X – XII вв. – СПб.: Наука, 2003. – 245 с.
Priselkov M.D. Essays on the church-political history of Kievan Rus of the X – XII centuries. – St. Petersburg: Nauka, 2003. – 245 p.
33. ПСРЛ. Т.5. Псковские и софийские летописи. – СПб.: Типография Э. Праца, 1851. – 278 с.
PSRL. Т.5. Pskov and Sofia chronicles. – St. Petersburg: Printing house of E. Pratz, 1851. – 278 p.

34. ПСРЛ. Т. 9. Русская летопись по Никонову списку. – Ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 734 с.
PSRL. T. 9. Russian chronicle according to Nikon's list. – Ch. 1. – M.: Izd-vo AN USSR, 1962. – 734 p.
35. ПСРЛ. Т.15. Тверская летопись. – СПб.: Типография Демиса, 1863. – 505 с.
PSRL. T.15. Tver Chronicle. – St. Petersburg: Demis Printing House, 1863. – 505 p.
36. ПСРЛ. Т.16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. – СПб.: Типография Ф. Елеонского, 1889. – 70 с.
PSRL. T.16. Annals of the Chronicle, called Chronicles of Abraham. – SPb.: Typography F. Eleonskogo, 1889. – 70 p.
37. ПСРЛ Т.21. Книга Степенная царского родословия. – Часть 1. – СПб.: Типография М. Александрова, 1908. – 343 с.
PSRL T.21. Book Degree of the Royal Genealogy. – Part 1. – St. Petersburg: M. Alexandrov's Printing House, 1908. – 343 p.
38. ПСРЛ. Т.30 Владимирский летописец. – М.: Наука, 1965. – 240 с.
PSRL. T.30 Vladimir Chronicler. – M.: Nauka, 1965. – 240 p.
39. ПСРЛ. Т.38 Радзивилловская летопись. – Л.: Наука, 1989. – 178 с.
PSRL. T.38 Radzivilov Chronicle. – L.: Nauka, 1989. – 178 p.
40. ПСРЛ. Т.39 Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. – М.: Наука, 1994. – 208 с.
PSRL. T.39 The first Sofia Chronicle according to the list of I. N. Tsarsky. – M.: Nauka, 1994. – 208 p.
41. ПСРЛ Т.41. Летописец Переяславля Суздальского. – М.: Археографический центр, 1994. – 205 с.
PSRL T.41. Chronicler of Pereyaslavl of Suzdal. – M.: Archaeographic Center, 1994. – 205 p.
42. Седов В. В. Восточные славяне в VI – XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
Sedov V.V. Eastern Slavs in the VI – XIII centuries. – M.: Nauka, 1982. – 327 p.
43. Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. – М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1915. – 494 с.
Serebryansky N. Old Russian princely lives. – M.: Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1915. – 494 p.
44. Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу. Электронный ресурс. Точка доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/books/21820-skazanie-i-stradanie-i-pohvala-svjatym-muchenikam-borisu-i-glebu/>
Legend and suffering and praise to the holy martyrs Boris and Gleb. Electronic resource. Access point: <https://azbyka.ru/otechnik/books/21820-skazanie-i-stradanie-i-pohvala-svjatym-muchenikam-borisu-i-glebu/>
45. Соловьев С. М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах. – Книга 1. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1-2. – 798 с.
Solovyov S. M. History of Russia since ancient times in eighteen books. – Book 1. – M.: Mysl, 1988. – Т. 1-2. – 798 p.
46. Татищев В. Н. История Российская. – М.: АСТ, 2003. – Т. 1. – 571 с.
Tatishchev V.N. Russian History. – M.: AST, 2003. – Т. 1. – 571 p.
47. Татищев В. Н. История Российская. М.: АСТ, 2003. – Т. 2. – 735 с.
Tatishchev V.N. Russian History. M.: AST, 2003. – Т. 2. – 735 p.
48. Титмар Мерзебургский. Хроника. – М.: Русская панорама, 2009. – 245 с.
Thietmar of Merseburg. Chronicle. – M.: Russian Panorama, 2009. – 245 p.
49. Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Со списка, сделанного О.М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Белозерскому монастырю. – Ярославль. Типография Стросова, 1892. – 321 с.
Titov A. A. Life of St. Leonty Bishop of Rostov. From the list made by O.M. Bodyansky from a 15th-century manuscript belonging to the Kirillov Belozersky Monastery. – Yaroslavl. Stroev Printing House, 1892. – 321 p.
- Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Со списка, сделанного О.М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Белозерскому монастырю. – Ярославль. Типография Стросова, 1892. – 321 с.
Titov A. A. Life of St. Leonty Bishop of Rostov. From the list made by O.M. Bodyansky from a 15th-century manuscript belonging to the Kirillov Belozersky Monastery. – Yaroslavl. Stroev Printing House, 1892. – 321 p.

50. Тихомиров И. А. О некоторых ярославских гербах // Труды третьего областного историко-археологического съезда во Владимире. – Владимир: Тип. Губернского правления, 1909. – С. 35–40

Tikhomirov I.A. About some Yaroslavl coats of arms // Proceedings of the third regional historical and archaeological congress in Vladimir. – Vladimir: Type. Provincial government, 1909. – pp. 35–40

51. Томсетт Е. Ю. (Советкина) Загадка убийства Глеба Муромского, сына Владимира Святого: свидетельства русских и иностранных источников // European journal of humanities and social sciences. – 2021. – №2. – С. 36–43.

Tomsett E. Y. (Sovetkina) The mystery of the murder of Gleb of Muromsky, son of Vladimir the Holy: evidence from Russian and foreign sources // European journal of humanities and social sciences. – 2021. – №. 2. – P. 36–43.

52. Топчий В. Кто убил Бориса и Глеба. Электронный ресурс. Точка доступа <https://proza.ru/2009/10/22/999> Дата обращения 15.08.2023

Topchy V. Who killed Boris and Gleb. Electronic resource. Access point <https://proza.ru/2009/10/22/999> Access date 08/15/2023

53. Топоров В. Н. Сказания о Борисе и Глебе. Электронный ресурс. Точка доступа <https://sedmitza.ru/text/1152713.html>. Дата обращения 17.08.2023

Toporov V.N. Tales of Boris and Gleb. Electronic resource. Access point <https://sedmitza.ru/text/1152713.html>. Access date 08/17/2023

54. Филист Г. М. История «преступлений» Святополка Окаянного. – Минск: Беларусь, 1990. – 156 с.

Philist G. M. History of the «crimes» of Svyatopolk the Accursed. – Minsk: Belarus, 1990. – 156 p.

55. Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.). – М.: Издательство МГУ, 1986. – 412 с.

Khoroshev A. S. Political history of Russian canonization (XI - XVI centuries). – M.: Moscow State University Publishing House, 1986. – 412 p.

56. Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба Электронный ресурс. Точка доступа: <https://www.anosinomonastir.ru/articles/prepodobnyu-nestor-letopisets-chtenie-o-zhitii-ubienii-i-chudesakh-blazhennykh-strastoterptsev-boris.html>

Reading about the life and death of Boris and Gleb Electronic resource. Access point: <https://www.anosinomonastir.ru/articles/prepodobnyu-nestor-letopisets-chtenie-o-zhitii-ubienii-i-chudesakh-blazhennykh-strastoterptsev-boris.html>

57. Эймундова сага // Собрание сочинений Сенковского О. И. (Барона Брамбеуса) с портр. и жизнеописанием авт. Т. V. –СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1858. – С. 420–574

Eymund's saga // Collected works of O.I. Senkovsky (Baron Brambeus) with portrait. and biography of the author. T. V. – St. Petersburg: Publishing house of the Imperial Academy of Sciences, 1858. – P. 420–574

M. N. Kozlov, E. E. Boytsova On the question of the reasons for the murder of Boris and Gleb

Based on the analysis of ancient Russian chronicles, hagiographic data, the text of the Icelandic “The Strand of Eymund”, as well as archaeological research data, a reconstruction of the main life stages of the sons of Prince Vladimir Svyatopolk, Boris and Gleb is presented, and the main reasons for the murder of the passion-bearing princes are identified.

In the process of research, special methods of cognition were used (historical-analytical and problem-chronological). The materials that form the basis of the study have been studied and analyzed taking into account the chronology of events and the need to obtain historical information from the scientific sources being studied. When comparing different theoretical views on the analyzed problems, the method of comparative and retrospective analysis was used.

The authors come to the conclusion that one of the reasons for the murder of Prince Boris was his announcement as the heir of Prince Vladimir, contrary to the then traditions of inheritance. Another reason was the conflict with the residents of Kyiv, which significantly made it easier for Prince Svyatopolk to

eliminate his half-brother. Activities related to the Christianization of the Murom lands became the reason for the murder of Prince Boris's younger brother, Prince Gleb.

Key words: Prince Boris Vladimirovich, Prince Gleb Vladimirovich, Prince Svyatopolk the Accursed, Christianization, funeral rituals.